

**ВЛАСТЬ, ДЕНЬГИ И ЛЮДИ:
СИБИРСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ В ТИСКАХ
ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА (1918–1920 гг.)**

Финансовый кризис часто становился спутником больших войн. Его переживали не все воюющие страны. Но те, кого эта доля не миновала, сталкивались с распадом денежной системы ближе к завершению, а то и после окончания военных действий. Россия явилась ярким подтверждением этой закономерности. Макроэкономический подход к изучению истории денежного обращения в России всегда стоял у исследователей на первом месте, оставляя антропологические вопросы, то есть связанные с человеком в специфических условиях военных лет, его бедами, переживаниями, реакциями на финансовые неурядицы как бы в тени. В настоящей статье в центре внимания и изучения окажутся именно эти проблемы.

При наличии в Сибири многих проявлений финансового кризиса, аналогичных с другими регионами, она, тем не менее, обладала ярко выраженной спецификой. Таковой являлась длительная изоляция от центральной России, присутствие наряду с несколькими мелкими одного крупного эмитента, выпускавшего деньги даже не регионального, а общероссийского характера. Сибирское население в полной мере испытало многократную смену государственной власти, характерную для периода гражданской войны. В то же время именно в этом регионе наиболее последовательно была воплощена в жизнь небольшевистская модель финансовой политики, что позволило сибирякам почувствовать разные подходы к преодолению проблем в сфере денежного обращения.

Существует обширная литература, посвященная анализу экономических аспектов функционирования денежного рынка России в условиях гражданской войны, а также описанию обстоятельств эмиссии, ее динамики, условиям обращения различных денежных знаков. Наиболее глубокие исследования состояния финансов России в годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны были написаны по горячим следам экономистами и сотрудниками финансовых органов, имевшими отношение к реформам по стабилизации советской денежной системы в начале 1920-

х годов¹. В последующее время отечественные историки анализировали проблему через призму становления советских финансовых органов². В последнее десятилетие многие авторы обратились к истории российских денежных знаков периода революции. Вышедшая литература в большей степени нацелена на удовлетворение интересов коллекционеров-бонистов. В ней преобладают каталоги с кратким обзором истории отдельных денежных знаков, причем преимущественно местного, иногда — регионального масштаба. Большое количество таких изданий посвящено денежным знакам отдельных территорий Сибири и сопредельным с ней Уралу и Дальнему Востоку³. Наряду со сведениями о денежных знаках в них обычно присутствуют аналитические фрагменты. Монографии, претендующие на обобщение, являются исключением, но и в них встречается фрагментарный материал, освещаются отдельные сюжеты⁴.

Участие России в Первой мировой войне потребовало колоссальных средств. Царское правительство отступило от принципа золотого эквивалента и выпустило в обращение необеспеченные

¹ *Каценеленбаум З.С.* Денежное обращение России. 1914–1924 гг. М.; Л., 1924; *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. Харбин, 1924; *Кузюков Д.В.* Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925; Наше денежное обращение: сб. мат-ов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / Ред. Л.Н. Юровский. М., 1927; *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927 гг.). М., 1927.

² *Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940; *Гусаков А.Д.* Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М., 1946; *Дьяченко В.П.* Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., 1948.

³ *Козлов В.* Боны и люди: Денежное обращение Урала (1840–1933): опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000; *Колосов Н.И., Наволочкин Н.Д., Чекунаев В.В.* Боны Дальнего Востока. 1917–1922 гг. Каталог с иллюстрациями. Хабаровск, 1992; *Рогов Г.И.* Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории Кемеровской области в 1918–2007: Каталог. Кемерово, 2007; и др.

⁴ *Ходяков М.В.* Деньги революции и гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920. СПб., 2009.

денежные знаки, что привело к инфляции. Для снижения инфляционного эффекта пришлось с первого месяца войны прибегнуть к внутреннему займу и выпустить облигации, приносящие их обладателям 4% годовых. С июня 1914 г. по март 1917 г. объем денежной массы в России увеличился с 1640 млн до 10 044 млн руб. Временное правительство продолжило выпуски внутренних заимствований (5% годовых) и стало печатать деньги нового вида. Сначала это были так называемые «думские» казначейские билеты номиналами в 250 и 1000 руб., затем «керенки» номиналами в 40 и 20 руб. Их продолжил печатать Совет народных комиссаров. К ноябрю 1917 г. их было выпущено 9134 млн руб., к январю 1918 г. — еще 8062 млн рублей⁵. В результате нарушилась привычная для населения структура денежного обращения. Одновременно ходили деньги различных видов и номиналов, причем «керенки», ставшие наиболее распространенными деньгами, имели совершенно непривычные номиналы. Не удивительно, что в таких условиях деньги царского времени стали средством сбережения. Рачительные хозяева воздерживались от платежей ими (припрятавали в «кубышки»), в результате чего они стали исчезать из оборота⁶. Средством активного товарообмена оказались недавно выпущенных купюры во всем их пестром многообразии.

Война — это всегда экстремальная экономическая ситуация. Сибирское население это почувствовало уже в первые дни. Жившие слухами обыватели кинулись скупать на рынке товары. Под влиянием ажиотажного спроса возник товарный дефицит и началась скачкообразная динамика цен⁷. Но денежная система функционировала безотказно во всей Российской империи, и никаких неудобств, связанных с обращением денежных знаков, население не ощутило. Дальнейший рост цен носил плавный характер.

Начавшаяся с весны 1917 г. череда кризисов политической власти повлекла за собой распад экономического единства страны. Наряду с острейшим дефицитом потребительских товаров и

⁵ *Юровский Л.Н.* Денежная политика советской власти... С. 71; *Атлас 3.* Очерки по истории денежного обращения... С. 50.

⁶ *Русский рубль: два века истории. XIX–XX вв.* М., 1994. С. 183.

⁷ *Рынков В.М.* Рынок сельскохозяйственной продукции Сибири в годы в годы Первой мировой войны: поведение покупателя и продавца // *Бахрушинские чтения 2005 г.* Новосибирск, 2005. С. 68–80

транспортным кризисом он выражался в том, что во многих регионах финансовая ситуация стала зависеть от местных условий. Инфляция вызвала дефицит мелких купюр, причем сильнее всего их нехватка ощущалась на окраинах страны, куда из центра не успевали посылать дополнительные партии денежных знаков (так называемые «подкрепления»). Местные власти, предприятия и кооперативные организации стали практиковать выпуски бонов, стремясь обеспечить размен в локальных масштабах.

С дефицитом мелких разменных денег в Сибири столкнулись в конце 1916–1917 г. В Сибири потенциальные эмитенты вели себя сдержаннее, чем на других окраинных регионах. Можно привести только одно исключение: уже с конца 1916 г. в сибирских лагерях для военнопленных стали выпускать собственные деньги⁸. Они использовались для внутренних расчетов, покупки товаров в лагерных лавках, но, впрочем, были популярны и среди окрестного населения, пользовавшегося лагерными бонами для приобретения пересылаемых военнопленным из Европы дефицитных товаров.

В последние месяцы 1917 г. недостаток денежных знаков ощущался настолько остро, что заготовительные органы Акмолинской области, Тобольской и Томской губерний вынуждены были расплачиваться с поставщиками вкладными листами и специальными удостоверениями. В Омске, Томске и Верхнеудинске земскими, а потом и советскими органами обсуждался вопрос о выпуске местных бонов. Но эмиссии так и не были осуществлены⁹. «Керенки», появление которых смягчило недостаток денежных знаков в Европейской части страны, в Сибирь стали поступать в последние месяцы 1917 г., когда Временного правительства, значившегося на купюрах в качестве эмитента, уже не существовало. Вздуроражив население, они не оказали влияния на ситуацию на потребительском рынке.

В конце 1917 — начале 1918 г. в восточных регионах России установилась советская власть. С ее появлением связан выпуск

⁸ Чагин В.В. Денежные знаки лагерей военнопленных и частей Чехословацкого корпуса в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке (1916–1920). Красноярск, 2009. С. 17–19, 36, 43.

⁹ Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1920 — ноябрь 1920 гг.): Дисс. ... канд. ист. нук. Омск, 2001. С. 63–65.

новых денежных суррогатов местного обращения и бон. Для смягчения денежного голода местные отделения Народного банка повсеместно прибегли к выпуску в обращение в качестве средств размена аннулированных советской властью ценных бумаг и купонов к ним. Главной проблемой стало отсутствие единообразия в правилах их выпуска и приема в платежи. Это имело место не только в Сибири, а было повсеместной практикой. В одних случаях такие суррогаты денег обращались по номиналу, в других (с истекшими сроками) — с начислением процентов. Разрешая хождение купонов, власти вынуждены были смириться с существованием денежных суррогатов, имевших экзотические номиналы в 2 руб. 75 коп., 37 руб. и т.д. Причем из таких купюр необходимо было иногда еще вычитать 4, 5 % или 15,0 %¹⁰. Кроме того, практически все ценные бумаги помечались штампом местных отделений Народного банка. Возникал вопрос — имеют ли они хождение за пределами своего города или административной единицы, что делать населению, у которого на руках ценные бумаги не с местным штампом или вообще без штампа? Вопросы порождали появлявшиеся в обращении бумаги с частично обрезанными купонами. Иначе говоря, в борьбе с одним бытовым неудобством власти порождали другое.

Наиболее сложной оказалась ситуация в Забайкалье. Через Кяхту, Сретенск и другие пункты торговли России с Китаем и Монголией происходило «вымывание» твердой золотой и серебряной валюты, и царские кредитки стали преимущественным средством платежа. Торговцы начали «охотиться» за такими деньгами. На остальные денежные знаки возник «лаж». Российское население, не занятое в торговле, оказалось с низко котируемыми денежными знаками на руках. К тому же средства из центра поступали в очень ограниченном количестве и только в крупных купюрах, преимущественно тысячерублевого номинала. В соответствии с тогдашним уровнем цен это составляло месячную зарплату нескольких человек и, следовательно, такие номиналы не могли использоваться в бытовом обиходе. Обращавшихся в регионе денег стало не хватать. Все это подтолкнуло Комитет советских ор-

¹⁰ *Едидович Л.* Деньги Комуча. Самара, 2003 // Цит по: <http://www.bonistikaweb.ru/knigi/Edidovich-komuch.htm>

ганизаций — орган региональной власти — к выпуску в обращение гербовых марок в качестве суррогата мелких разменных купюр. Это были наклеенные на бумагу гербовые марки со штампом Читинского отделения Государственного банка, подтверждавшим, что данная марка на территории Забайкальской области имеет хождение наравне с кредитными билетами. Всего их было выпущено в апреле — июле 1918 г. на сумму 443 тыс. руб. По исчерпанию гербовых, отделение выпустило еще контрольные марки сберегательных касс на 3 млн 481 тыс. рублей¹¹.

По-настоящему пестрым денежное пространство стало в связи с развертыванием на территории Сибири широкомасштабной гражданской войны. После выступления Чехословацкого корпуса в конце мая — начале июня 1918 г. в последующие несколько месяцев в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке образовалось несколько антибольшевистских правительств, каждое из которых либо непосредственно участвовало в вооруженной борьбе с большевиками, либо поддерживало ее. В развернувшемся вооруженном противоборстве деньги стали такой же ценностью, как вооружение. Отступавшие большевики старались вывезти их в первую очередь, чтобы оставить противника без средств. Всего в ходе военных действий им удалось изъять из касс около 1 млрд рублей¹². Новая власть столкнулась с отсутствием наличных денег. Пониженное предложение на рынках даже стало одной из причин временного падения цен на продовольственные продукты и предметы повседневного спроса. Но для организации борьбы с большевиками и государственного строительства требовались средства, что и заставило продолжить выпуск новых денег и денежных суррогатов. В результате были осуществлены новые выпуски ценных бумаг, которые остались в кладовых отделений Государственного банка Барнаула, Бодайбо, Иркутска, Мариинска, Томска, Тюмени, Читы и ряда других городов¹³, что повлекло дальнейшее на-

¹¹ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение... С. 241.

¹² Обзор деятельности Министерства финансов за второе полугодие 1918 г. Омск, 1919. С. 5.

¹³ *Флеров В.С.* Из истории денежного обращения в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны // Труды Томского краеведческого областного музея. Томск, 1963. Т. VI. Вып. 2. С. 11—12.

воднение рынка суррогатными деньгами и вызвало последующий рост цен.

Наиболее острая ситуация летом 1918 г. сложилась в Забайкалье и на сопредельных с Сибирью территориях. В Восточной Сибири сопротивление чехословацким войскам и Белой армии оказал Центральный исполнительный комитет советов Сибири (Центросибирь). В июле она отступила из Иркутска в Верхнеудинск, а затем в Читу, откуда продолжила борьбу до конца августа. В Чите Центросибирь с 29 июля по 25 августа 1918 г. произвела эмиссию пятидесятирублевых «сибирских кредитных билетов» на сумму 20 млн 350 тыс. руб. В июне 1918 г. Верхнеудинское казначейство выпустило примерно на 6 млн руб. проштампованных государственных процентных бумаг. В одном городе появилась 51 их разновидность, если считать за особый вид разные выпуски ценных бумаг и разные номиналы. Были и другие денежные суррогаты, выпуск которых санкционировали забайкальские большевики¹⁴. А.И. Погребецкий считал, что их количество в Забайкалье к середине 1918 г. достигало 31 млн рублей¹⁵. Отступая из Читы и Благовещенска, большевики захватили с собой почти всю наличность общероссийских денежных знаков, находившуюся в финансовых учреждениях этих городов. Поэтому антибольшевистское Временное правительство Амурской области в сентябре — октябре 1918 г. выпустило в Благовещенске амурские разменные билеты на сумму 18 млн руб.

Широко прибегли к выпуску собственных денег антибольшевистские правительства на Урале и в Поволжье. В июне 1918 г. Самарский Комуч выпустил в обращение хранившиеся в банках облигации государственных займов на сумму около 203 млн руб. На рынке оказался 141 вид таких суррогатных денег. Такая пестрота объяснялась тем, что на эти суррогаты денег налагались разные штампы, как правило, удостоверявшие эмитента; различными оказались и условия обращения (с удержанием процентов или без них). При этом государственные ценные бумаги в качестве де-

¹⁴ *Наволочкин Н.* В папке полтора миллиона. История денежных знаков на Дальнем Востоке // *Дальний Восток. Владивосток*, 1966. № 4. С. 153—158; Он же. Дело о полтора миллионах. Хабаровск, 1982. С. 5—21.

¹⁵ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение... С. 250.

нежных знаков были выпущены практически всеми отделениями Государственного банка и казначействами контролировавшейся Комучем части Поволжья и на Урале¹⁶. В ноябре 1918 г., накануне оставления «белыми» Поволжья, Совет управляющих ведомствами Всероссийского Учредительного собрания прибег к выпуску собственных бон — краткосрочных обязательств. Объем эмиссии составил 70 млн руб.¹⁷ Временное областное правительство Урала вынуждено было допустить хождение в регионе самарских и сибирских денег¹⁸. По распоряжению Уральского областного правительства от 21 октября 1918 г. в Екатеринбурге было отпечатано пятидесятикопеечных уральских бон на 1,5 млн рублей¹⁹.

Еще более крупным эмитентом в Поволжско-Уральском регионе стало Уральское войсковое правительство. С конца 1917 г. по его указанию оренбургское отделение Государственного банка стало выпускать свои денежные знаки. Эта инициатива потом была продолжена уже советской властью и вновь возобновлена «белыми». За весь период эмиссии, длившейся до конца 1918 г., было напечатано 163 млн рублей²⁰. Общая сумма различных видов денег местного обращения на востоке России определялась в 575 млн рублей²¹.

На фоне такой эмитентной активности созданные в Сибири органы государственной власти — Западно-Сибирский комиссариат (Омск, 26 мая — 28 июня 1918 г.) и Совет министров Времен-

¹⁶ Козлов В. Боны и люди... С. 67–69, 87, 93, 100–101; и др.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 28. Л. 14; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1976. С. 161.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 18. Л. 35; Д. 13. Л. 9; Д. 58. Л. 20; Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). 1918. № 4. Ст. 20.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 53; Собрание узаконений... 1918. № 5. Ст. 33; Вестник финансов, промышленности и торговли (Омск). 1919. № 7. С. 4.

²⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли... 1919. № 7. С. 2. О.В. Парамонов полагает, что вероятнее всего эмиссия составляла 200 млн руб. (См.: Парамонов О.В. «Дутовки». Боны Оренбургского отделения Государственного банка в 1917–1918 гг. Каталог-исследование. М., 2005. С. 342).

²¹ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 208. Л. 16–17.

ного Сибирского правительства (Омск, 28 июня — 3 ноября 1918 г.) более сдержанно относились к выпуску денежных суррогатов, хотя полностью воздержаться от этого шага не могли. 16 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат подтвердил хождение всех облигаций, выпущенных в обращение при советской власти²². 23 сентября 1918 г. Временное Сибирское правительство приравнило к деньгам как недавно выпущенные, так и раньше находившиеся в обороте государственные ценные бумаги²³.

Это легализовало произведенное недавно на местах пополнение местных денежных рынков мелкими разменными знаками, но принципиально не смягчило «денежный голод». Кроме того, постановление не утвердило единых правил обращения ценных бумаг, оставив в этой сфере прежний разнობой. К неудобству использования суррогатных денег добавилось еще и страхи населения. На рынке ходило множество подделок, и обыватели просто не могли понять, какие ценные бумаги являются законным средством платежа, а какие нет. Наконец, рядовые покупатели и продавцы были просто не в состоянии помнить внешний вид всех обращающихся наравне с деньгами ценных бумаг. Это было на руку мошенникам, которые регулярно выпускали на рынок фальшивые ценные бумаги. Хотя суррогаты денег являлись незначительной частью обращающейся на рынке денежной массы, но они доставляли непропорционально большое беспокойство населению, финансовым органам, кредитным учреждениям.

Для устранения недостатка мелких денег сибирские власти прибегли к выпуску собственных казначейских разменных знаков достоинством от 1 до 50 руб. С 1 октября 1918 г. решено было начать выпуск краткосрочных обязательств Государственного казначейства сроком на один год. Они печатались крупными купюрами (номиналами в 5000, 1000 и 500 руб.) и имели целью смягчить бюджетный дефицит. Несмотря на то, что лимит законодательно разрешенной эмиссии уже в октябре был доведен до 450 млн руб., реально в первый месяц в обращение попало только 8 млн руб., а в

²² ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 2. Л. 8.

²³ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 14. Ст. 126.

ноябре — 33 млн рублей²⁴. Торопясь покрыть дефицит прошлых месяцев, министерство финансов печатало преимущественно краткосрочные обязательства.

При таких темпах эмиссии и номиналах выпуска простые сибирские обыватели не только ничего не выигрывали, но и столкнулись с обострением дефицита разменных денег. В ноябре — декабре 1918 г. на многих предприятиях заработная плата выплачивалась пятитысячными купюрами. Население было возмущено до предела таким к себе отношением новой власти. Рынок реагировал двояко. Размен крупных купюр на мелкие для некоторых дельцов быстро превратился в прибыльное занятие. Нуждавшиеся в размене теряли на этом до 10% от номинальной стоимости. В то же время, чтобы снизить напряженность, многие торговые заведения и особенно лавки на предприятиях, стали широко практиковать суррогатные виды кредита, заменявшие размен. Магазины стали отпускать группе плательщиков пятитысячной купюры товары на соответствующую сумму. Причем они могли отовариваться неоднократно до тех пор, пока не израсходуют внесенные деньги. Продавцы учитывали произведенные закупки и выдавали удостоверения об израсходованных средствах. Но дефицит разменных денег был общей проблемой, и, даже отправляясь в магазин с мелочью, люди часто не могли получить сдачу общегосударственными и даже местными деньгами. Для расчета с клиентами многие торговые заведения вводили специально защищенные платежные удостоверения: купоны, талоны, расписки и прочие суррогаты полноценных денег. Покупатель теперь уже невольно должен был кредитовать торговцев.

Начало выпуска Временным Сибирским правительством собственных денег осенью 1918 г. совпало со вступлением лагеря восточной контрреволюции в новую фазу развития — созданием верховной общероссийской власти. В сентябре представители различных политических сил и государственных образований на востоке России собрались на Государственное совещание в Уфе, в результате которого удалось сформировать Временное Всероссийское пра-

²⁴ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006. С. 106–107.

вительство (Директорию). Она избрала Омск своей резиденцией, но 18 ноября 1918 г. была свергнута сторонниками военной диктатуры. К власти пришло Российское правительство в лице Верховного правителя адмирала А.В. Колчака и Совета министров.

Это обстоятельство существенно изменило геополитическую ситуацию. На новую власть, претендовавшую на национальный масштаб, легла обязанность восстановить единство на денежном рынке. Но главный способ — насытить рынок сибирскими краткосрочными обязательствами, вытесняя другие денежные знаки. Однако действительные темпы эмиссии оставались невысокими. К маю 1919 г. в обращение было выпущено чуть более 4,0 млрд, но в обороте находилось только 1,9 млрд руб. Резкий рост эмиссии произошел в летние — осенние месяцы. К середине ноября 1919 г. было отпечатано около 12,0 млрд руб., восемь из которых находились в обращении²⁵.

Тот факт, что сибирская, а затем общероссийская власть во второй половине 1918 — начале 1919 г. проводили ограниченную эмиссию, сказался на экономике двояко. Это сдержало рост цен, но одновременно законсервировало острый дефицит мелких разменных денег. Вторую проблему отчасти смягчало то обстоятельство, что на востоке страны продолжали обращаться «керенки», выпуск которых после октября 1917 г. осуществлял Совет народных комиссаров. По очень приблизительным оценкам специалистов, в восточных регионах их ходило от одного до шести млрд руб. Даже наибольшая из этих цифр вполне реальна. По советским источникам, всего в России в апреле 1919 г. обращалось 74,5 млрд руб., а к началу июля — около 100 млрд рублей²⁶. Прирост в это время происходил преимущественно за счет «керенок». Массовая интервенция денег из советской России нарушала относительное ценовое равновесие, но в то же время смягчала недостаток мелких купюр. «Керенки» прочно вошли в экономическую жизнь, занимали на денежном рынке тот сегмент, который антибольшевистские финансовые структуры оказались неспособны заполнить. Запре-

²⁵ Рынков В.М. Финансовая политика... С. 206–207.

²⁶ Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России. 1914–1924 гг. М.; Л., 1924. С. 54.

тить их можно было, только подготовив соответствующую замену, — необходимый объем денежных знаков мелкого достоинства.

Между тем, любое колебание фронтов гражданской войны вело к новым осложнениям на денежном рынке. Осенью 1918 г. Народная армия Комуча оставила Поволжье, что вызвало массовое движение беженцев на восток страны. Поток «самарских» денег хлынул на территорию Сибири. Временное Сибирское правительство отдало распоряжение банкам, железнодорожным кассам, государственным учреждениям не принимать платежи облигациями государственных займов со штампом Самарского правительства. Не брали их и частные торговые предприятия. Это поставило беженцев в тяжелейшие материальные условия. Свои краткосрочные обязательства Самарский Комуч успел разослать по уральским отделениям Государственного банка, испытывавшим наибольший дефицит денежных средств. В этих районах вся заработная плата была выплачена самарскими бонами. Их официальное непризнание оставило без средств к существованию уже не только беженцев, но и население уральских городов. Оренбургские боны стали быстро распространяться на смежные районы Урала. Министерство финансов Временного Сибирского правительства запретило уральским отделениям Государственного банка принимать их. То же самое сделали и власти Уральского казачьего войска. Однако многочисленные распоряжения командования Оренбургского казачьего войска предписывали принимать оренбургские денежные знаки в граничащих с войсковой территорией уездах наравне с общегосударственными. В противном случае, указывали они, оправдываясь перед Омском, замрет хозяйственная жизнь региона, прекратятся закупки продовольствия для армии²⁷.

Рядом своих постановлений в октябре 1918 — феврале 1919 г. Временное Сибирское и Российское правительства регламентировали хождение местных денег. За исключением государственных ценных бумаг, выпущенных в обращение Комучем, денежные знаки, эмитированные региональными правительствами или органами местного самоуправления Поволжья, Урала, Забайкалья и Амурской области получали право временного хождения на ограничен-

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 3, 14, 15, 18, 141–142, 147, 149 об, 153, 155—157; *Парамонов О.В.* «Дутовки»... С. 233–241.

ной, четко обозначенной территории с последующим их равноценным обменом на общероссийские деньги. Но действительными они считались только в том случае, если на них своевременно ставили штампель местных отделений Государственного банка²⁸. Пермские и екатеринбургские выпуски государственных ценных бумаг должны были принимать не только на Урале, но даже в Тобольской губернии. Владельцам поволжских и уральских облигаций и купонов к ним, выпущенных с санкции Комуча, предлагалось предъявить их в учреждения Государственного банка до 1 декабря 1918 г. для регистрации путем наложения сибирских штампелей. Российское правительство обещало выкупить эти облигации по номиналу в двухмесячный срок после регистрации. Поволжские денежные знаки оказались на руках, прежде всего, у беженцев и военнослужащих, направлявшихся в тыл после оставления Поволжья. Они не сразу узнали о намерении вывести из обращения местные деньги. Кроме того, многие оказались на территориях, где хождение поволжских денег не было предусмотрено²⁹.

Достаточных средств для выкупной операции Российское правительство не имело. Поэтому министерство финансов продлевало сроки регистрации и выкупа, меняло условия их временного обращения. Многие из предусмотренных мероприятий по унификации денежного рынка в результате остались нереализованными. Так случилось с краткосрочными обязательствами Комуча, ходившими на территории Уфимской, Оренбургской, Самарской и Симбирской губерний до восстановления советской власти³⁰. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил обменять денежные знаки Оренбургского отделения Государственного банка на общегосударственные в месячный срок. Законодательный акт ограничивал хождение этих бон административными границами Оренбургского казачьего войска.

В 1919 г. боевые действия в Поволжье и на Урале способствовали снижению остроты проблемы местных денежных суррогатов. Воевавшие стороны снабжали прифронтовые регионы миллиона-

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 66; СУР РП. 1919. № 5. Ст. 52–54; Правительственный вестник (Омск). 1919. 3 янв., 18 февр., 8 марта.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 856. Л. 230.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 3. Л. 28, 29; Правительственный вестник. 1919. 3 янв.

ми рублей «сибирских» и «керенок», так как война требовала больших затрат. «Самарские» и «уральские» деньги быстро обесценились, потерялись в общей денежной массе. Они уже не имели такого влияния на экономическую жизнь, как в 1918 г. Примерно десятикратный рост цен превратил те суммы, которые год назад могли составлять всю наличность граждан и домохозяйств, в разменную мелочь. Наконец, для краткосрочных обязательств Совета управляющих ведомствами министерством финансов был указан срок выкупа — 31 августа, а для самарских обязательств — 30 сентября 1919 г. Реализации этого решения помешало отступление «белых». К назначенному сроку войска Российского правительства оставили Поволжье и Урал. Вопрос остался актуальным главным образом для беженцев, и обменом занимались сибирские отделения Государственного банка³¹. Есть, однако, основания предполагать, что уходившие на восток с «белыми» предпочитали взять с собой как можно больше местных денег. Надежды на их обмен при советской власти не было никакой, а в Сибири они могли представлять определенную ценность. Поволжские деньги предъявляли к обмену в Барнауле, Екатеринбурге, Иркутске, Кургане, Омске, Томске, Челябинске, что видно по штемпелям отделений Государственного банка этих городов³². В конце августа 1919 г. Совет министров продлил сроки выкупа обоих видов суррогатов до 1 ноября 1919 года³³. Год спустя такой обмен производился безболезненно: номинальные суммы, предъявляемые к обмену, были невелики.

Процедура изъятия была довольно сложной, и еще более она запутывалась в связи с отступлением Белой армией. Каждый денежный знак местного обращения Поволжья и Урала принимался в любом месте, но местное отделение Государственного банка должно было переслать его в то отделение, которое санкционировало выпуск принятых денег. По получении их эмитент проводил экспертизу, и если деньги признавались подлинными, то производил перевод соответствующей суммы лицу, их сдавшему. Это тре-

³¹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 133. Л. 14, 18; ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 174.

³² *Козлов В.* Боны и люди. Денежное обращение Урала в 1840–1933 гг. Опыт нестандартного каталога. Екатеринбург, 2000. С. 72.

³³ Правительственный вестник. 1919. 3 сент.

бовало значительного времени и усложнялось тем, что во второй половине 1919 г. сначала поволжские и уральские, а затем и сибирские отделения Государственного банка постоянно эвакуировались все дальше и дальше на восток страны.

В действительности в обороте находилось значительно больше видов местных денег, чем упоминали постановления сибирской и российской власти, хотя совокупный объем эмиссии таких непризнанных Российским правительством выпусков был невелик. А это означало, что принятое решение явилось важным шагом на пути к унификации финансового рынка, так как в официальном обращении оставались только наиболее значительные виды местных денег, причем срок окончания их хождения был четко обозначен, а обмен не нес конфискационного характера. Аннулировались более десятка видов денежных суррогатов, выпущенных в небольшом объеме и только засорявших рынок. Но возникла другая сложность. Рядовые обыватели путались, какие из принимавшихся ранее денежных знаков сохранили свойство законного платежного средства, а какие утратили, какие из обращавшихся на рынке купюр они обязаны принимать на данной территории, а какие имеют законную силу только в соседнем регионе.

В 1919 г. некоторые местные денежные знаки, объем эмиссии которых был незначителен, выводились из обращения также путем обмена, но без принятия специального законодательного акта. Это делалось в инструктивном порядке. 1 мая 1919 г. управляющий Государственным банком С.И. Рошковский подписал циркуляр, разрешавший местным отделениям обменивать на общегосударственные денежные знаки облигации военных займов и «Займа Свободы», выпущенных в качестве денежных знаков Ижевским, Воткинским и Верхнеудинским казначействами, чрезвычайным уполномоченным Прикамского края и Читинским отделением Государственного банка. Срок обмена специально не оговаривался³⁴. С 5 июля 1919 г. обмен на таких же условиях был распространен на облигации «Займа Свободы», выпущенные в качестве денег Мензелинским отделением Государственного банка³⁵. Это было оправдано с социальной точки зрения. Ведь

³⁴ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 133. Л. 10.

³⁵ Там же. Л. 18.

держатели поволжских и уральских местных денег, оказавшиеся в Сибири, были, как правило, беженцы или военные³⁶. Однако многие местные выпуски государственных ценных бумаг (например, выпущенные в обращение казначейством Верхотурья, Семипалатинским отделением Государственного банка и другими кредитными учреждениями востока России) не удостоились подобного внимания государства³⁷.

В Забайкалье обмен протекал по иному сценарию, поскольку здесь не было фактора надвигавшегося фронта. Первоначально срок наложения штемпелей на местные денежные знаки был установлен до 1 декабря 1918 г. Местные власти самовольно продлили его еще на месяц, 25 февраля 1919 г. Российское правительство отодвинуло окончание этой операции до 1 апреля³⁸. Реально штемпеля накладывали до конца марта 1919 года³⁹. Кроме того, на китайской границе в любой меняльной лавке можно было легко поставить фальшивые штемпеля⁴⁰. Чтобы не оставить население без средств, в сельских районах штемпелевание проводили в два приема. Сначала собирали половину денег и отправляли в административные центры. Спустя несколько недель они возвращались со штемпелями. После возвращения первой части бон сдаче подлежала вторая половина. Но финансовые учреждения региона не имели технических возможностей для штемпелевания денежных суррогатов в срок, а информация об обмене во многие места поступила с опозданием⁴¹. К тому же для обмена не хватало наличных денег общероссийского образца⁴². С осени 1918 г. и до начала весны 1919 г. в отделения Государственного банка Забайкалья почти не поступало централизованного подкрепления наличности ни для выкупа бон, ни для смягчения денежного дефицита. Подготовка к обмену понизила курс местных денег и способствовала усилению денежного кризиса в регионе. Срок выкупа бонов и де-

³⁶ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 12 авг. Приложение.

³⁷ Бумажные денежные знаки... С. 105, 171

³⁸ СУР РП. 1919. № 5. Ст. 52.

³⁹ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение... С. 181—183, 251.

⁴⁰ Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 12 июня.

⁴¹ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 1 дек.

⁴² Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 5 февр.

нежных суррогатов в регионе переносился несколько раз. Только 5 июня 1919 г. было принято решение, что до 31 июля население должно обменивать боны на общероссийские деньги⁴³. Реально их обмен проводился местными властями в течение всего лета и закончился в конце августа 1919 г.

Частные банки, занимавшиеся спекулятивной скупкой местных бон, не встречали никакого сопротивления со стороны государственной власти. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке они установили своеобразную иерархию денег по видам. Производя операции, банки гарантировали, что выданные купюры могут быть в течение некоторого срока сданы обратно в банк и будут обязательно приняты по текущему курсу. С самыми ценными видами денег («романовские» и «думские») происходил интенсивный процесс обезличивания. Они концентрировались на банковских счетах и изымались из обращения. Банки вместо наличных денег могли выдать держателю чек, удостоверяющий возможность получения денег указанными купюрами хорошего качества. Чеки на ценные виды денежных знаков сами становились своеобразным видом денег и обладали очень высокой ликвидностью. Такая операция позволяла активно использовать ценные купюры без их амортизации⁴⁴.

Положение, когда две воевавшие друг с другом силы в ходе гражданской войны имели общую валюту, естественно, являлось ненормальным. Эти азбучные истины финансистам были понятны еще летом 1918 г. В августе в Самаре проходил съезд представителей акционерных коммерческих банков. На нем управляющий Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка В.П. Аничков говорил о необходимости антибольшевистским правительствам создать собственную денежную систему⁴⁵. Он предложил провести сначала штемпелевание всех «керенок» на неподвластной «красным» территории, а затем постепенный их обмен на новые денежные знаки. По мере же освобождения новых регионов от большеви-

⁴³ Правительственный вестник. 1919. 9 июня; Амурская жизнь. 1919. 9 июня.

⁴⁴ Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июля.

⁴⁵ Аничков В.П. Екатеринбург — Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 181–182.

ков предполагалось обменивать обращающиеся там «керенки» без штемпелей по пониженному курсу⁴⁶.

К вопросу вернулись более полугодом спустя. Постановление Российского правительства от 15 апреля 1919 г. гласило, что казначейские знаки двадцати- и сорокарублевого достоинства еще в течение месяца будут продолжать хождение в качестве общегосударственных денег, а с 15 мая 1919 г. их в течение месяца изымут из обращения с обменом рубль на рубль. При этом половина предъявленной в течение месяца к обмену суммы будут обращаться в принудительный беспроцентный заем на двадцать лет. На вторую половину суммы ее собственнику выдавалась долговая квитанция, по которой государство обязывалось расплатиться до 1 января 1920 г. С 15 июня прием начинали осуществлять по половинному курсу, причем четверть номинала компенсировали наличными деньгами, а на четверть — долговой квитанцией⁴⁷.

О грядущем обмене население было извещено через прессу за 10 — 15 дней до его начала⁴⁸. Нужно отметить, что голоса критиков утонули в потоке приветствий и одобрительных откликов⁴⁹. Это явилось результатом усиленной пропагандистской кампании: в прессе и отдельными листовками появилось немало официозных материалов разъяснительного характера о грядущей реформе⁵⁰.

Закон обязал все торговые и банковские учреждения принимать «керенки» беспрепятственно до 15 мая 1919 г. На деле широко распространились меры дискриминации этих денежных знаков. Многие финансовые организации и учреждения Сибири опасались аккумулировать «керенки» перед их изъятием. Если клиент осуществлял через банк перевод, внося в кассу «керенки», получате-

⁴⁶ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26 апр.; *Аничков В.П.* Екатеринбург — Владивосток... С. 195.

⁴⁷ Правительственный вестник. 1919. 27 апр.

⁴⁸ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 25 апр., 3 мая; Свободный край (Иркутск). 1919. 29 апр.; Пермские губернские ведомости (Пермь). 1919. 24 апр.; Освобождение России (Пермь). 1919. 25 апр.

⁴⁹ Современная Пермь (Пермь). 1919. 7 мая; Дальний Восток. 1919. 30 апр.

⁵⁰ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 20 апр.; Вестник Тобольского уезда (Тобольск). 1919. 6 июля; Освобождение России. 1919. 11 мая; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 26 апр. и др.

лю выдавали деньги в таких же купюрах. Внесенные «керенками» на счета банков суммы, если вкладчик пытался забрать их до 15 мая 1919 г., выдавали тоже «керенками». Чтобы ничего не потерять от номинальной суммы вклада, гражданам и организациям предлагали внести «керенки» минимум на полгода. Применялась и другая мера дискриминации: уже за месяц до начала обмена вкладчиком выдавали только половину денег, остальное насильно переводили на шестимесячный вклад⁵¹. Новые вклады, сделанные «керенками», предлагали считать сданными населением для обмена по закону Российского правительства⁵². Таким образом, спасти деньги через банки оказалось невозможно, так как они предлагали условия, мало чем отличавшиеся от конфискационного государственного займа. Обычно частные банки стремились быстро избавиться от наличности, принятой «керенками», идя при этом на любые ухищрения. Само государство в лице своих казначейских учреждений поступало тоже не совсем честно в отношении правительственных служащих: даже накануне реформы жалование в некоторых местах выдали «керенками»⁵³.

Не удивительно, что с первыми слухами о предстоящем обмене граждане начали избавляться от двадцати- и сорокарублевых денежных знаков, щедро предлагая их за любые товары и услуги. На товарном рынке в преддверии реформы ситуация напоминала приближение катастрофы. В частном секторе уже с конца апреля «керенки» почти прекратили хождение⁵⁴. Торговые предприятия отказывались их принимать. Местные власти пригрозили за это наказаниями в виде штрафов и тюремного заключения⁵⁵. Реакция рынка на насильственные меры не заставила себя ждать: чтобы пережить «опасный» период, многие магазины и лавки просто прекратили торговлю. Народ осаждал рынки, пытался сделать крупные закупки, стремясь избавиться от злосчастных денежных знаков. Крестьяне тоже отреагировали вполне естественно: подвоз

⁵¹ ГАИО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 158. Л. 40—41, 63; ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 217. Л. 1, 7 об., 28; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 7. Л. 20—20 об.; Освобождение России. 1919. 3 мая.

⁵² Дальний Восток (Владивосток). 1919. 9 мая.

⁵³ Освобождение России. 1919. 21 мая.

⁵⁴ Заря (Омск). 1919. 6 мая.

⁵⁵ Дальний Восток. 1919. 3 мая; Наш Урал. 1919. 14 мая.

продовольственных товаров на городские рынки почти прекратился — крестьяне не хотели получать за них «керенки». Усилился дефицит продовольствия, подскочили базарные цены. Но и снабжение деревни промышленными товарами частные торговцы прекратили. Лавочники опасались торговать⁵⁶. И без того протекавший с большими трудностями товарно-денежное взаимодействие между городом и деревней в считанные дни совершенно расстроилось.

Правда, некоторые торговые предприятия выбрали иную тактику поведения на рынке. Принимая «керенки» до последних дней их легального хождения, они получили огромную выручку. Приезжавшие из деревень крестьяне брали все, что лежало на прилавках, оставляя в кассах магазинов каждый по несколько тысяч рублей в двадцати- и сорокарублевых купюрах⁵⁷. Но это были редкие исключения.

Одной из ключевых проблем стало отсутствие технического аппарата, способного произвести такой масштабный обмен денег населению в обозначенные в законе кратчайшие сроки. К приему «керенок» были привлечены отделения Государственного банка и сберегательные кассы, а на условиях комиссионного вознаграждения — частные банки, земские и кооперативные учреждения. В крупных городах это позволило быстро произвести обмен и выдать населению все необходимые документы. Но в других местах обменная операция выглядела весьма примитивно. Кассы, осуществлявшие прием, высылали в ближайшие отделения Государственного банка посылки с деньгами и описями сдатчиков. Банковские отделения тем же путем передавали обратно именные квитанции и уведомления о приеме денег на двадцатилетний вклад⁵⁸. Нередко жители отдаленных деревень не укладывались в месячный срок из-за плохой обеспеченности транспортом или неблагоприятных погодных условий. Сельские сходы подчас принимали постановления о продлении срока обмена или о продолжении обязательного приема «керенок» на территории волости, невзирая на

⁵⁶ Ишимская жизнь (Ишим). 1919. 8, 15 мая; Освобождение России. 1919. 21 мая; Пермская земская неделя (Пермь). 1919. № 15. С. 1.

⁵⁷ Отечественные ведомости. 1919. 17 мая.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 215. Л. 19, 50, 55, 64, 127, 129, 131, 132, 134, 136, 138, 140, 142, 148, 150.

закон⁵⁹. В отдельные деревни пришло не официальное объявление об обмене, а только слух, которому жители не охотно верили. Выждав до 15 мая и убедившись, что слух достоверен, сельчане обнаруживали, что деньги сдавать уже поздно.

Ситуация усугублялась очень низкой скоростью распространения информации о предстоявшей реформе, особенно характерной для Крайнего Севера, Степного края, горных районов Сибири, представлявших настоящую «антропологическую пустыню». Для некоторых местностей власти согласились сделать исключения, установив другие сроки и механизмы обмена (некоторые горнодобывающие предприятия Урала и Степного края)⁶⁰. Для других (Камчатка, Сахалин, казахские степи, Якутия, Чукотка, сибирская тундра и лесотундра, населенная кочевыми народами⁶¹) такие исключения делать отказались. Особенно негативные последствия имел отказ скорректировать условия обмена «керенок» для территории Китая. После этого китайские торговцы решили бойкотировать сибирские краткосрочные обязательства.

Очевидно, что город и деревня, центральные и отдаленные районы были поставлены в неравное положение. Большая часть населения в результате реформы понесла убытки, так как вместо сланных «керенок» у людей на руках остались лишь квитанции, а значительная часть отмененных двадцати- и сорокарублевых так и не была предъявлена к обмену. В секретных отчетах штаба Верховного главнокомандующего отмечалось массовое недовольство ходом проведения обмена «керенок» в армии⁶². Дело в том, что солдаты и офицеры делали накопления преимущественно этими денежными знаками. Министерство финансов разрешило «в виде исключения» обменивать солдатам и офицерам «керенки» налич-

⁵⁹ Отечественные ведомости. 1919. 16 мая; Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 14 июня; Томский кооператор (Томск). 1919. № 22. С. 18.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 212. Л. 123, 130–130 об. Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 97. Л. 32–34, 36, 37 об.

⁶¹ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 172. Л. 2, 7, 17, 23, 26; Ф. 154. Оп. 1. Д. 157. Л. 68; ГАРФ. Ф. Р-197. Оп. 2. Д. 19. Л. 29; Ф. Р-198. Оп. 6. Д. 8. Л. 10; Дальневосточное обозрение. 1919. 17 мая; 10 июля.

⁶² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Л. 2.

ными рубль за рубль до 15 июня 1919 г. Лишь после 15 июня на фронте стали выдавать квитанции о приеме «керенок»⁶³.

В последний месяц перед отменой хождения «керенок» правительство старалось посылать в Забайкалье и на Дальний Восток для выплаты заработной платы, оплаты государственных заказов и таможенных пошлин Китаю за провоз через границу российских грузов только «сибирские» рубли. Если весной 1919 г. рабочие и служащие Дальнего Востока предпочитали получить свою зарплату сибирскими рублями, а не местными денежными знаками, то после 15 мая 1919 г. выдача зарплат «сибирками» стала вызывать повсеместный протест ввиду падения их рыночного курса. В Маньчжурии торговые предприятия «сибирки» вообще не принимали. Здесь «бюджетники» попали в ситуацию, когда на выдаваемую зарплату не только ничего не могли купить, но и все их сбережения в одночасье потеряли всякую ценность.

Изъятие из обращения «керенок», а затем и местных денежных знаков 1917—1918 гг. выпуска не придало большего веса государственной валюте и не сгладило положение на рынке. Стремясь преодолеть дефицит наличности, министерство финансов пошло на децентрализацию печатания денег, используя типографии в нескольких городах, имевших самостоятельные источники снабжения бумагой, красками и прочими необходимыми материалами. Сибирские краткосрочные обязательства, выпущенные в разных местах, отличались друг от друга по цвету, размеру и прочим признакам настолько, что определить среди них подделки было просто невозможно⁶⁴. Низкое качество и разнообразие сибирских краткосрочных обязательств использовалось умельцами для производства фальшивых купюр.

Но даже в условиях активно работавшего печатного станка общероссийских денег по-прежнему не хватало, поэтому, не дожидаясь санкции высших органов, некоторые местные административные и муниципальные органы власти отважились на новые

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 7. Д. 212. Л. 2; Д. 217. Л. 105, 108, 111–116; Голос сибиряка. 1919. 8 мая; Уральский маяк (Верхнеуральск). 1919. 25 мая;

⁶⁴ *Петин Д.И.* Фальшивые краткосрочные обязательства государственного казначейства правительства А.В. Колчака: источниковедческий подход в изучении бумажных денежных знаков // Вестник Тюменского университета. 2010. № 1. С. 80–81.

выпуски местных денежных суррогатов. Все это сопровождалось и новой волной эмиссий частных бонов, которая продолжалась даже в первые месяцы 1920 г., то есть уже при советской власти.

В крупных городах конкурентная ситуация накладывала свои особенности на функционирование денежного рынка. Даже в Омске, где в целом картина была более-менее благоприятной, и все виды общероссийских денежных знаков до лета 1919 г. принимались на рынке по одному курсу, недостаток разменной монеты вынуждал магазины, рестораны, парикмахерские и другие заведения выпускать собственные разменные знаки. За пределами Омска разница курсов на романовские, «кережки», «сибирки», купоны «Займа Свободы» установилась гораздо раньше⁶⁵. Заменители денег могли выпускаться в виде купонов, квитанций, расписок или заемных писем. Практически каждый союз кооперативов, имевший сеть лавок, выпустил собственные бонны. В Тюмени собственными деньгами обзавелось общество домовладельцев⁶⁶, а в Иркутске несколько выпусков произвели все три состава городского общественного собрания⁶⁷. В 1918–1919 г. каждый крупный лагерь военнопленных делал по несколько выпусков бон. Организаторы ярмарок, праздников, сопровождавшихся торговлей и массовыми народными гуляниями, чтобы облегчить обмен, выпускали специально к этому конкретному мероприятию специальные денежные знаки, обращавшиеся иногда всего один день. Обыватель, живший в любом сибирском городе, вынужден был держать в своем бумажнике множество бонов, каждая из которых предназначалась для покупок в определенном месте. При этом у всех таких денежных знаков существовал рыночный курс, их можно было продать или обменять.

Часто подобные денежные суррогаты были элементарной распиской торговца на клочке бумаги. Их нельзя считать настоящим денежным знаком. Но многие доморощенные эмитенты пользовались разными способами защиты своих «денег» — особый вид печати, номера, то есть придавали им вид денежных знаков. Мест-

⁶⁵ Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 104.

⁶⁶ Наш Урал. 1919. 8 июня.

⁶⁷ Аксарова Л.И., Лапенков В.М. Бумажные денежные знаки Иркутской области (1917–1997). Иркутск, б.г. С. 90–91.

ные власти пытались бороться с этим явлением. Однако законных претензий эмитентам предъявить было невозможно. Каждое предприятие имело право выпускать свои кассовые ордера или долговые расписки любого вида⁶⁸. Поскольку эмитенты не претендовали на обязательное и свободное хождение своих платежных средств, правовых или административных способов бороться с засорением рынка подобными денежными суррогатами не было. Оставались экономические меры, но на этом поприще власть оказалась бессильна. После принятия министерством путей сообщения по согласованию с министерством финансов решения о печатании осенью 1919 г. разменных бонов для касс Омской и Томской железных дорог всякое преследование частной эмиссии могло восприниматься не иначе как лицемерие⁶⁹. Да и бороться с естественной саморегуляцией денежного рынка было опасно. Как ни парадоксально, некоторые боны обменивались на рынке полным рублем и даже выше. Общероссийская валюта не вызывала доверия, а солидная фирма гарантировала предъявителю своих бон продажу товаров или оказание услуг на указанную сумму. Поэтому боны известных фирм становились предметом накопления и очень плохо возвращались обратно в кассы. На рынках стали появляться подделки. Это вынуждало эмитентов предпринимать новые выпуски и искать новые способы защиты.

Только в глухих углах и при наличии в округе «предприятия-гегемона» удавалось ограничиться одним видом бон. Это особенно характерно было для горнозаводского Урала. Но и в Сибири можно обнаружить подобные примеры. Например, в 1919 г. Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество «Копикуз» осуществило несколько выпусков специальных ордеров. Уникальная ситуация сложилась на северо-востоке России: в Якутии, на Камчатке и на Чукотке, где почти не было никаких денег. Местные выпуски там были предприняты только в 1920 г., несмотря на острейший денежный кризис. Вся торговля происходила в обмен на золото или пушнину, естественно, по очень низ-

⁶⁸ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 131—132 об.

⁶⁹ *Петин Д.И.* Документы Исторического архива Омской области о печатании бон Омской и Томской железных дорог // *Новейшая история России.* 2013. № 1. С. 284—291.

кому курсу, потому что в ситуации дефицита торговцы диктовали условия и играли на искусственном повышении цен⁷⁰.

Пестрота денежного обращения отразилась даже на особенностях протестного движения. Во второй половине 1919 г. рабочие бастовавших предприятий все чаще выдвигали требования не только повышения зарплаты, но и оплаты ее определенными видами денег, установления квот соотношения крупных и мелких купюр. Наконец, в 1920 г. уже зазвучало требование выплачивать зарплату любым видом денег, но в пересчете по курсу золотого рубля. Такая идея пришла в голову рабочим и служащим восточного Забайкалья в последние месяцы существования семеновского режима. При этом в рыночных обменах население активнее всего использовало золото, серебро, японскую и китайскую валюту. Интересно, что на территориях, контролировавшихся советской властью, подобные требования не звучали. Здесь деньги стремительно утрачивали роль всеобщего эквивалента, зарплата перестала выполнять функцию основного вознаграждения за труд, вытесняясь натуральным снабжением.

Одним из многих проявлений общественного противостояния в рамках гражданской войны стала «война валют». Даже внутри антибольшевистского лагеря конкуренция различных правительств проявлялась в запрещении хождения на своей территории денег, эмитированных претендентами на власть в других регионах. Военные же противники старались использовать каждый промах друг друга. Зная о непопулярности обмена «керенок» на востоке России, советская власть еще задолго до прихода в Сибирь объявила, что все советские деньги она по-прежнему будет принимать к платежам. В районах, охваченных партизанским движением, летом — осенью 1919 г. «керенки», оставшиеся во множестве на руках у сельского населения, имели хождение. Но сибирское население до конца не осознало, что с победой большевиков грядут новые денежные потрясения. Советская власть намеревалась немедленно аннулировать денежные знаки своих военно-политических противников и проявила в этом вопросе предельную жесткость. Народный комиссариат финансов еще в октябре 1919 г. объявил, что ни один из видов колчаковских денег приему в платежи не

⁷⁰ Минусинский край. 1919. 11 июля.

подлежит. Особенно подчеркивалось, что советская власть не собирается гасить долг Российского правительства за «керенки» и квитанции об их приеме останутся без оплаты⁷¹. Для управления освобождаемыми губерниями и областями был создан чрезвычайный областной советский орган — Сибирский революционный комитет (август 1919 — декабрь 1925 г.). Он оповестил население о судьбе колчаковских денег приказом от 28 ноября 1919 года⁷². Принимавшие их, говорилось в документе, вольно или невольно оказывают поддержку антинародному режиму. Кроме того, сибирские краткосрочные обязательства, с точки зрения Сибревкома, не были ничем обеспечены, поэтому продавать за них товары нельзя. Необычайное по своей жесткости и безжалостности обоснование. Особенно если учесть, что абсолютное большинство обращавшихся в стране денег имели кредитную природу, а вовсе не являлись эквивалентом товара или металлического обеспечения.

Успешное наступление Красной армии привело к восстановлению советской власти на территории Сибири в августе 1919 — феврале 1920 г. В каждой губернии и области местная советская администрация около трех недель не вмешивалась в ситуацию на денежном рынке, а затем объявляла о немедленном и полном прекращении приема в платежи сибирских краткосрочных обязательств. Такая же участь постигла другие денежные знаки, выпущенные не при советской власти. Второе за год общесибирское изъятие денег превзошло масштабы первого (конфискационного обмена «керенок») и по своему разрушительному влиянию на материальное положение обывателя и по степени дестабилизации рынка. На этот раз отменялась не просто удобная разновидность денег, а основная, абсолютно доминировавшая валюта. Из оборота было выведено около 15 млрд руб., потерявших всякую ценность.

В первые недели после занятия сибирских городов Красной армией на рынках происходило невероятное столпотворение. Все спешили избавиться от сибирских краткосрочных обязательств и других «колчаковских» купюр, пока их еще принимали. Население кинулось спасать свои деньги не только на рынках. У сберегатель-

⁷¹ Известия Народного комиссариата финансов (Москва). 1919. 25 окт. С. 5; *Петин Д.И.* Денежно-эмиссионная политика... С. 152.

⁷² ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

ных касс выстроились огромные очереди из людей, желавших открыть вклады. Первое время кассы принимали всю предлагавшуюся наличность, поскольку не было специальных указаний, вводящих ограничения на такие операции.

После объявления о запрете приема в платежи денежных знаков, выпущенных при антибольшевистских правительствах, цены сразу резко возрастали. Торговцы везде стали требовать только «керенки», «романовские» или недавно появившиеся и очень ценные советские деньги. Многие люди не обменяли свои «керенки» весной — летом 1919 г., сохранили некоторое количество облигаций, купонов, советских денег, прекративших было свое хождение при «белых», или припасли «на черный день» звонкую монету. Теперь такие ценности были извлечены из «кубышек» и стали предметом усиленного торга. За исключением монет, все остальное могло играть только роль разменной «мелочи». Не только общегосударственные, но и местные эмиссии, предпринятые при советской власти, считались законными. В результате не признанные Российским правительством деньги, выпущенные на Урале, в Средней Азии, в Забайкалье и на Дальнем Востоке по решениям местных советов, принимались в платежи или обменивались. Но условия и территория каждый раз оговаривались специальными инструкциями. Все это касалось ничтожных сумм, оставшихся на руках у отдельных граждан. Но обыватели нервничали, «толкучки» то и дело охватывали слухи о грядущей отмене тех или иных видов денег или признании уже выведенными из обращения вновь законным средством платежа⁷³. Ситуация усугубилась наплывом обывателей с Урала. Они являлись в Сибирь с миллионами давно отмененных там сибирских денег и пытались скупать продовольствие, усиливая панику на рынке и вздувая цены⁷⁴.

В связи с выведением из обращения денег, «контрреволюционных» правительств, почти полностью замирала торговая жизнь. Многие горожане голодали, потому что имели только деньги, на которые стало невозможно ничего купить в магазинах и на рын-

⁷³ Советская Сибирь (Омск). 1919. 11 дек.

⁷⁴ *Роцевский П.И.* Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири после изгнания колчаковцев в 1919 году. // Уч. зап. Свердловского и Тюменского пед. ин-тов, 1969. Т. 91: Исторический сборник. Вып. 2, С. 29.

ках. Люди обратились к бартеру, обменивая вещи на продовольствие. Не только города, но и деревня столкнулась с этим явлением. Алтайский губернский революционный комитет даже объявил, что каждый крестьянин, который в связи с отменой сибирских денег из нужды продал сельскохозяйственный инвентарь, технику или скот, может заявить об этом. Такие сделки признавались недействительными, и продавец мог получить обратно домашних животных, орудия и технику⁷⁵. В Иркутске имели место погромы китайских торговых лавок, во время которых население насильно отбирало товары, предлагая в уплату отмененные «сибирки»⁷⁶. Впрочем, для торговцев ситуация не была безвыходной. Различными путями миллионы отмененных сибирских краткосрочных обязательств вывозились в Забайкалье и на Дальний Восток, где их еще продолжали принимать, обваливая здесь цены на потребительские товары.

Беда заключалась в том, что других денег в Сибири в первые месяцы после прихода красных не было. Новая власть вела себя «иезуитски»: накануне отмены платили зарплату и закупали продовольствие на сибирские краткосрочные обязательства либо просто ничего не платили, ссылаясь на временное полное отсутствие «законных» денег⁷⁷. В Иркутске советская власть не просто использовала денежные знаки бывшего Российского правительства, но и выпускала их со своими штампами до 17 февраля 1920 г., расплачиваясь с населением новыми, только что выпущенными с печатного станка «колчаковками». Иркутский губернский революционный комитет объявил о прекращении хождения этих денег 18 февраля 1920 г., одновременно с прекращением их печатания. Более того, в последний месяц перед падением Российское правительство выпустило в обращение полученные из США билеты облигаций 4,5-процентного государственного займа и купонов к ним, номиналами по 200 и 4,5 руб. соответственно. Успели выпустить первые три серии на сумму 1 447 999,8 тыс. руб. Они тоже были запрещены как «колчаковские» деньги. Но по решению Сибревкома с 17 февраля 1920 г. эти же знаки (четвертой и пятой серии) уже

⁷⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 60а. Л.16–16 об.

⁷⁶ *Петин Д.И.* Денежно-эмиссионная политика... С. 171.

⁷⁷ Там же. С. 153, 168.

с советской надпечаткой стали выпускать в обращение. Именно благодаря этому, а не присылке общегосударственных советских денежных знаков в начале 1920 г. удалось несколько смягчить дефицит.

Сглаживая социальную ситуацию, советская властью руководствовалась классовым принципом. Держателям сибирских денег рабочим, советским служащим и красноармейцам разрешили выдать компенсацию в виде месячного оклада независимо от суммы аннулируемых денег на руках. Советские оклады были в то время ничтожными и, следовательно, размер таких выплат составляли очень небольшие суммы. Но на местах не хватало средств для осуществления даже подобных скромных мер. Поэтому в Тюмени ограничились 70 % от оклада, а в Кургане выдавали каждому по 300 руб., в Омске — по 600 руб. на человека и еще на 600 руб. продуктами из кооперативных лавок⁷⁸. Крестьяне и горожане, не занятые на заводах и на службе в советских учреждениях, составлявшие абсолютное большинство населения, никакой компенсации не получили. Компенсация превратилась в привилегию приближенных к власти. Большевики дифференцировали не держателей определенных видов денег, узаконенных или объявленных вне закона, а социально-классовые группы населения, отделяя «своих» от «чужих». Правда, привилегии на поверку оказались фикцией. Выдача компенсации растянулась на несколько месяцев, а ее общая сумма едва составляла четверть прожиточного минимума.

К «хитрым» вкладчикам, успевшим накануне ухода «белых» или в первые дни после прихода «красных» зачислить свои деньги на счета сберегательных касс, тоже были применены меры конфискации. На основании циркуляра Сибревкома от 25 марта 1920 г. «О ликвидации частных банков» все вклады, внесенные в кассы с 1 июня 1918 г. (эту дату решили считать единым днем падения советской власти в Сибири) и до объявления об аннулировании «сибирских» денег в данной местности, не подлежали выдаче. Следует при этом учесть, что население потеряло, в том числе и суммы, внесенные в кассы «керенками» в результате колчаковского принудительного займа. А между тем оставшиеся по какой-то причине

⁷⁸ Там же. С. 155–156.

на руках двадцати- и сорокарублевые купюры продолжали приниматься.

Если Белая армия в свое время стала ярким выразителем недовольства денежными реформами Российского правительства, то Красная армия в конце 1919 г., напротив, выполняла определенную социально-амортизирующую роль. Крупные подразделения красноармейцев двигались на восток вслед за отступавшими колчаковскими частями. Они все время находились в зоне, где еще не отменили «сибирские» деньги. Военнослужащие скупали у населения сибирские деньги. Такие обмены казались взаимовыгодными. Они позволяли людям, хоть и с большой спекулятивной недоплатой, избавиться от денег, через считанные дни терявших всякую ценность. И теперь уже советские войска оказались начинены «сибирками».

Практика советской власти резко контрастировала с тем, как вело себя повергнутое Российское правительство. Коммунисты жестко настаивали на полной отмене денег своего военного противника, не считаясь с интересами широких слоев населения. Впрочем, случаи обмена «сибирских краткосрочных обязательств» имели место. В сентябре 1919 г. Тобольская губерния являлась территорией, разделенной фронтом. Тюменский уездный ревком объявил о штемпелевании колчаковских денег номиналом до 500 руб. Со штемпелем они получали силу законных средств обращения. При этом местный ревком руководствовался идеей о смягчении недовольства крестьян⁷⁹. Наложения штемпелей в уезде происходило путем сдачи всех денег волостным органам, которые централизованно должны были доставить их в Тюмень. За три недели население сдало примерно 10,65 млн руб. Но 29 сентября 1919 г. Сибревком настоял на отмене этого постановления. Правда, уже выданные обратно держателям проштампованные 1096 тыс. руб. решили компенсировать эквивалентной суммой общероссийскими купюрами, на что Сибревком согласился выдать 900 тыс. рублей⁸⁰. Обменивались и некоторые денежные суррогаты, выпущенные в обращение до падения советской власти.

⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

⁸⁰ Там же. Л. 27; *Роцевский П.И.* Ликвидация финансовых затруднений в Западной Сибири... С. 32.

Самая печальная участь ожидала жителей Забайкалья, превратившегося в «свалку» денег, вышедших из обращения и ставших ненужными в других регионах. Здесь гражданская война продолжилась до ноября 1920 г., а само Забайкалье оказалось разрезанным надвое фронтом. В западной его части сторонники советской власти провозгласили Дальневосточную республику (ДВР), под властью которой пытались объединить все территории восточнее Байкала. В восточном Забайкалье с января по сентябрь 1920 г. существовал режим генерал-лейтенанта атамана Г.М. Семенова, Верховного главнокомандующего вооруженными силами Российской восточной окраины. Правительство ДВР объявило о прекращении приема всех антибольшевистских денежных знаков только 15 ноября 1920 г. До этого времени оно не только принимало, но и получило от Сибревкома и из Владивостока значительные суммы аннулированными в Сибири и Приморье деньгами. Правительство ДВР использовало их для платежей. Передачи осуществлялись тайно, и население сталкивалось только с огромным наплывом «сибирок», по слухам уже везде отмененных, кроме Забайкалья. Действительно, даже в Приморье «сибирки» вывели из обращения раньше, 5 июня 1920 г. Армия, беженцы, торговцы, попадавшие в Забайкалье из Сибири и с Дальнего Востока, миллионами везли ненужные там сибирские краткосрочные обязательства⁸¹. Г.М. Семенов, контролировавший восточную часть Забайкалья, с февраля 1920 г. начал выпуск собственных денег. Его власть не имела никаких реальных источников доходов на контролируемой территории, и в условиях наплыва огромной денежной массы из других регионов у забайкальского атамана не было никаких шансов создать более-менее крепкую валюту. На рынок региона за девять месяцев было выпущено 9 848,9 млн руб. семеновских денег, но население уже летом совершенно отказалось принимать их, как и наводнявшие Забайкалье денежные знаки из Сибири и с Дальнего Востока. В расчетах использовались золото и японские иены.

История Сибири в период гражданской войны дает возможность сопоставить финансовую политику различных политических режимов и особенности их взаимодействия с населением в связи с урегулированием вопросов денежного обращения. Для любых ор-

⁸¹ *Погребецкий А.И.* Денежное обращение.... С. 280–282.

ганов власти выпуск денег являлся, прежде всего, источником необеспеченных реальными доходами поступлений в государственный бюджет, причем эмиссия составляла значительную долю доходов. Но, кроме этого, денежными эмиссиями подкреплялись претензии на суверенитет. Наконец, регулирование денежного обращения играло важную роль в военно-политической борьбе. При этом антибольшевистские силы проявляли заботу о рядовых участниках товарно-денежных отношений, постоянно корректировали свою политику с учетом социальных запросов населения, но делали это вопреки логике мобилизации ресурсов для достижения военной победы. Советская власть куда более последовательно нацеливалась на использование финансовых инструментов для подавления своих внутренних (в обществе) и внешних (антибольшевистские режимы) противников.

На протяжении 1918–1920 г. в денежном обращении Сибири проявились очень многие общероссийские черты. К ним относятся непрерывное и все ускорявшееся падение курса денег, имевшее, впрочем, собственную динамику в каждом регионе, выброс на рынок многочисленных денежных суррогатов (прежде всего, государственных ценных бумаг) и появление различных видов местных денег. Но только здесь появилась региональная валюта: «сибирские краткосрочные обязательства», длительное время занимавшая доминирующее положение в финансах не только Сибири, но и на сопредельных территориях. В Сибири на протяжении 1919 г. дважды были проведены акции по изъятию из обращения денег, не имевшие аналогов по своим масштабам. Необычным являлся «шквал» нормативных актов и инструкций, призванных подчас очень детально регламентировать условия обращения различных денежных знаков, в том числе территорию, где они могли приниматься или обмениваться. Здесь с наибольшей очевидностью проявилось различие денежной политики советской власти и ее противников. Контрреволюция пыталась соблюсти обязательства перед населением, сохранить регулирующую функцию денег в экономике. Такая позиция несколько облегчила положение населения, хотя и не убавила бытовых неудобств, а лишь добавила новые. А главное, она не спасла от военного поражения. Жесткий вариант советской денежной политики, с ее отказом от финансовых обязательств прежних властей и игнорированием материаль-

ных бедствий, приносимых своими действиями населению, напротив, способствовал достижению победы в гражданской войне.

Сфера денежного обращения превратилась в источник повседневных бедствий и мучений рядового обывателя. Постоянные скачки цен нарушали правильное соотношение крупных и мелких денег. Ни одна власть не смогла решить данную проблему, несмотря на предпринимавшиеся усилия. Население страдало не просто от недостатка денег, но от отсутствия удобных в торговом обиходе денежных знаков. Попытка преодолеть дефицит разменной монеты привела к появлению множества общегосударственных суррогатов, местных и частных денег (бонов), не снижая остроту проблему, а лишь усиливая неудобство. Ведь деньги теряли свойство всеобщего эквивалента ценности. Наконец, военнополитическая борьба и стремление произвести унификацию денежного обращения обернулись тем, что неоднократно менявшаяся власть изымала из обращения то одни, то другие виды денежных знаков. В результате обыватель должен был следить за тем, какие знаки утратили свойство законного средства платежа и либо пускаться в сложные процедуры обмена старых денег на новые, либо мириться с утратой части своей наличности и сбережений. Описываемые неудобства известны в мировой практике и обычно появляются в периоды финансовых кризисов и денежных реформ, призванных их преодолеть. Но только в условиях гражданской войны они сконцентрировались вместе на одном пространстве в одно время и на протяжении нескольких лет являлись существенной частью повседневности российского населения.